

А.В. СОКОЛОВ, А.В. ПАЛАГИЧЕВА*

МОБИЛИЗАЦИЯ И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ В СЕТЕВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТЕСТЕ¹

Аннотация. В статье рассмотрены сущность сетевого политического протеста и подходы к его пониманию. Традиционные формы коллективных действий изменяются под влиянием информационно-коммуникативных технологий. Сетевая парадигма акцентирует внимание на позиции индивида в социальном пространстве, степени его включенности в коммуникативное пространство, возможности контроля и регулирования интенсивности информационного потока. Сетевые структуры оказываются гибкими и адаптивными, они в большей степени, чем иерархизированные структуры, соответствуют новой реальности. Выявлены особенности сетевой структуры политического протеста.

Также в статье анализируются процессы политической мобилизации и демобилизации, в которых выражается соперничество конфликтующих сторон – государства и общества. На основе данных мониторингового исследования, проведенного методом опроса экспертов в период 2014–2019 гг. не менее чем в 14 субъектах Российской Федерации, определены особенности развития гражданского протестного активизма и использования мобилизационных технологий. Значительное влияние на их формирование и трансформацию оказывают информационно-коммуникативные технологии. Государство, реагируя на реальную и

***Соколов Александр Владимирович**, доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия), e-mail: alex8119@mail.ru; **Палагичева Ася Владимировна**, ассистент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия), e-mail: forningtingale@gmail.com.

¹Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

виртуальную активность, формулирует стратегию противодействия протестующим, предполагающую использование технологий демобилизации граждан.

Ключевые слова: конфликт; сетевой протест; мобилизация; демобилизация; государство; общество; Интернет; коллективные действия.

Для цитирования: Соколов А.В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 266–297. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>

Сетевой протест: сущность и подходы к пониманию

Динамичность общественных процессов, противоречия интересов и приоритетов различных социальных групп формируют условия для развития конфликтов, способных значительно повлиять на политическое пространство. Одна из форм проявления такого рода конфликтов – протест.

В политической науке нет однозначной трактовки сущности протеста. В рамках одного подхода исследователи делают акцент на функциональной интеграции общества, трактуют любое оспаривание сложившихся норм и практик как патологию и следствие социальной дезинтеграции [Travaglino, 2014]. Возникающий конфликт может быть нивелирован только благодаря механизмам социального контроля [Drury, Stott, 2011].

Другой подход интерпретирует протест как публичное выражение недовольства, обиды, инакомыслия, позволяющее снять накопившееся напряжение [Travaglino, 2014]. При этом, как указывал К.-Г. Опп, включение граждан в протестные действия возможно только в тех случаях, в которых они могут рассчитывать на изменение своего (группового) статуса вследствие таковых действий [Opp, 2012].

В рамках третьего подхода протест, как и в целом конфликт в различных его проявлениях, опривычивается, признается естественным состоянием субъектов в ситуации наличия противоречий [Piven, Cloward, 1991, p. 439]. Протест понимается как организованная и скоординированная деятельность граждан, направленная на процесс принятия решений с целью повлиять на него. В связи с этим сторонники данного подхода придают особое значение оптимизации функционирования формальных организаций, способных, по их мнению, обеспечивать достижение результата в рамках протестных действий [Piven, Cloward, 1991, p. 448].

В то же время Ч. Тили утверждает, что протест – это действие, которое находится за рамками «нормальной» политики и не может восприниматься как «опривыченное» [Tilly, 1975, p. 380–455]. По его мнению, протест демонстрирует игнорирование сложившихся норм субординации и разрушает правила допустимых форм политического действия.

В рамках концепции относительной депривации мотивирующей установкой к протестному поведению является чувство обездоленности, нехватки, лишения чего-либо и вытекающей из этого фрустрации. Относительность депривации заключается в субъективном характере восприятия обездоленности одной социальной группой относительно другой [Сорокин, 2005, с. 209]. Т. Гарр дополняет теорию относительной депривации вводом еще двух факторов протестного потенциала [Гарр, 2005, с. 30–31]. Первый фактор – это убеждения депривированных социальных групп, что протест оправдан с точки зрения риска. Второй – это компромисс между способностью депривированных граждан к самоорганизации в защиту своих ущемленных интересов и способностью власти к контролю над недовольством. А.В. Коротаев, А.Р. Шишкина и А.А. Балтач указывают, что относительная депривация выступила одним из факторов социально-политической нестабильности на Ближнем Востоке, повлекшей за собой «арабскую весну» [Коротаев, Шишкина, Балтач, 2019].

Важным представляется подход Б. Кландерманса, который делает акцент на субъективных факторах вовлечения граждан в протест как конфликтную форму коллективного действия [Klandermans, 2014]. Автор указывает, что принципиально значимо то, как именно индивиды воспринимают собственное положение в обществе, как они оценивают выгоды и издержки участия в конфликте. Особое внимание ученый уделяет анализу и интерпретации приверженности индивидов группе, интенсивности существующей индивидуальной и групповой идентичности. Б. Кландерманс делает вывод, что чем больше индивид отождествляет себя с группой, тем больше вероятность его действий в защиту ее интересов. В связи с этим современные исследования демонстрируют значительный потенциал социальных сетей в формировании групповой идентичности, позволяющей мобилизовывать активистов в коллективные действия [Merle, Reese, Drews, 2019].

При этом ряд исследователей обращают внимание на специфику влияния на активистов различных по содержанию постов в социальных медиа. Изучая различные форматы постов и материалов, Р. Хайсс, Д. Шмак и Й. Маттес установили, что эмоционально окрашенные посты привлекают большее внимание, а мобилизационные посты отрицательно сказываются на вовлеченности пользователей [Heiss, Schmuck, Matthes, 2019].

Можно говорить, что протест является формой коллективного действия, направленного на изменение социально-политической реальности. Поэтому есть основания интерпретировать протест как вид обратной связи общества и государства. Конфликт между ними может как разрушать стабильность, так и способствовать ее формированию посредством достижения нового баланса интересов [Никовская, 2012, с. 7]. В связи с этим протест можно интерпретировать в качестве одной из форм публичного оспаривания, проявляющегося в виде коллективного сопротивления граждан решениям и действиям власти через противодействие их реализации или выдвижение требований, требующих их отмены или изменения [Савенков, 2020].

Зачастую протест становится единственным рычагом воздействия на принятие властью политических решений. При этом в обществе закрепились представления о последовательности: проблема – протест – общественное внимание – действия властей. Понимая эту закономерность, власти стремятся не допустить распространения протестной повестки в информационном пространстве, использовать инструменты фильтрации контента. В результате отсутствия какой-либо поддержки со стороны населения конфликт достаточно быстро завершается. В тех случаях, когда организаторам протеста удастся обеспечить широкую информационную поддержку собственным действиям, наблюдается разрастание конфликта, вовлечение большого количества участников и наблюдателей, накопление негативного опыта взаимодействия власти и общественных структур, а также социального напряжения.

Происходит процесс трансформации традиционных форм и методов коллективного действия граждан по отстаиванию своих прав и законных интересов, видоизменяются традиционные модели гражданской активности и гражданского участия. Одним из значимых факторов данных изменений стало развитие информационно-коммуникативных технологий. Они способствуют развитию сете-

вых практик, нередко выступающих ответом на кризисное состояние большинства традиционных социально-политических институтов, действующих на иерархических принципах и не способных демонстрировать эффективность в новых условиях.

Сетевая парадигма акцентирует внимание на позиции индивида в социальном пространстве, степени его включенности в коммуникативное пространство, возможности контроля и регулирования интенсивности информационного потока. Сетевые структуры оказываются более гибкими и адаптивными, в большей степени соответствующими новой реальности.

Важной характеристикой сетевого взаимодействия является доверие между членами группы, которое способствует формированию связей между отдельными индивидами в группе [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001].

В связи с этим можно согласиться с мнением Е.В. Морозовой и А.А. Гнедаш, которые характеризуют современные процессы в обществе так: «Сети формируют “новые” объединяющие смыслы, практически осваиваемые в offline- и online-пространствах, побуждают участников сети к локальным или масштабным коллективным действиям, направленным на изменения в сфере публичной политики» [Морозова, Гнедаш, 2012].

Исследователи отмечают, что сети строятся на общности целей, добровольности, независимости взаимодействующих субъектов, наличии нескольких лидеров и многоуровневой коммуникации [Маковеева, 2012, с. 164]. Это позволяет выстраивать более эффективную коммуникацию, снижать издержки взаимодействия, повышать степень удовлетворенности взаимодействующих субъектов [Пагга, 1993].

Интернет стал и средой протестной активности, и фактором ее формирования, развития, функционирования, а сетевизация в значительной степени увеличивает численность вовлеченных в протест граждан, что повышает шансы на успех и результативность кампании. Многочисленные преимущества Интернета как инструмента организации протестных действий делают его незаменимым и обязательным в использовании общественными активистами.

В связи с этим А.А. Мелькевич отмечает, что современным политическим протестам свойственны сетевизация и технологизация [Малькевич, 2020, 37]. Они обусловлены, в числе прочего,

активным использованием в процессе организации коллективных действий и мобилизации сторонников социальных сетей.

Как отмечают в своем исследовании К. Клеман, О. Мирясова и А. Демидов, опыт организации сетевых протестов позволяет говорить о том, что они существенно более эффективны в процессе мобилизации активистов и ресурсов для достижения общей цели, чем протесты, построенные по традиционным методам работы [Клеман, Мирясова, Демидов, 2010, с. 83]. Коллективные действия граждан представляют собой организационные структуры, не имеющие жесткой иерархии, избавленные от лишних управленческих звеньев и демонстрирующие высокую эффективность коммуникации [Усачева, 2012, с. 37].

Мобилизация и коммуникация в сетевом протесте осуществляются посредством таргетированного взаимодействия, культуры сотрудничества, «плоской» иерархии, личной мотивации и вовлеченности активистов. Мобилизацию понимают как коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом [Яницкий, 2012, с. 3]. Мобилизация реализуется через объединение сообществ для достижения целей [Кремень, 2013, с. 146]. Также мобилизация рассматривается как процесс происходящих в обществе изменений, так как под этим следует понимать реакцию социума – инициируемую либо самим обществом, либо властью [Коммуникативные технологии ..., 2016].

Мобилизация напрямую связана со становлением протестной кампании. Демобилизация, в свою очередь, становится неизбежным ее результатом [Della Porta, Tarrow, 1986]. Последнюю понимают как процесс снижения масштаба и границ действия протестной активности [Tarrow, 1998]. Для нее характерны сокращение ресурсов вовлечения, снижение потенциала «бросить вызов» государству. Демобилизация включает последовательные взаимодействия между субъектами – лидерами кампаний, активистами, массовой общественности и государства [Demirel-Pegg, Pegg, 2015, p. 655].

Демобилизацию, на наш взгляд, можно рассматривать как процесс управления, нацеленный на приведение активных социальных групп в состояние отстраненности от политической деятельности и чувства гражданственности. Также под политической демобилизацией понимают целенаправленное подавление и / или искажение осознанных предпочтений человека [Коммуникативные

технологии ..., 2016, с. 212]. Так как демобилизация бывает и естественной, и регулируемой, мы делаем акцент на изучении демобилизации как целенаправленного действия субъекта, в качестве которого выступают государственные органы власти.

Процессы мобилизации и демобилизации особенно характерны для сетевого протеста. В них выражается соперничество конфликтующих сторон за получение поддержки и одобрения со стороны широких общественных масс, которые легитимизируют ту или иную отстаиваемую позицию. В результате физических и символических взаимодействий между социальными движениями и их противниками, а также потенциальными союзниками, возникают и трансформируются типы взаимодействий. Изменения происходят при столкновениях между социальными движениями и властями, при контрдвижениях, в ряде взаимных корректировок. Это оказывает влияние на эволюцию протеста во время консолидации [Della Porta, 2016, p. 3].

Рассматривая поведение протестных групп и представителей власти, изменение их стратегий, мы обращаемся к реляционным механизмам. Их определяют как причинные механизмы, изменяющие отношения между людьми, группами и межличностными сетями, в то время как процессы относятся к действиям состязательной политики, которые являются трансформирующими и имеют крупномасштабные последствия [Demirel-Pegg, Pegg, 2015, p. 656].

Через признание общественностью позиции одной из сторон формируется ресурсная база. Сетевая структура протеста, как одна из наиболее успешных в вопросе обеспечения движения ресурсами, повышает ее жизненный цикл и способность взаимодействовать с органами власти или противодействовать им, как антагонистам [Brantly, 2019, p. 366]. Человеческий ресурс, который является одним из важнейших и содержит в себе многие другие (финансовый, кадровый и т.д.), в разной мере сосредотачивается у сторон конфликта. Мобилизация и демобилизация становятся инструментами, воздействующим на принятие политического решения.

Субъектами сетевого протеста выступают государство (в лице органов власти, административных центров и иных учреждений) и общественность (в лице активистов и их объединений). От особенностей, характерных для этих субъектов, зависит реализация процессов мобилизации и демобилизации.

Таким образом, можно говорить, что протест является естественным феноменом в тех случаях, когда формируются значительные социальные дисбалансы, накапливаются объективные и субъективные противоречия. Современные исследования протеста демонстрируют формирование его новых характеристик: сетевого характера, значительной роли информационно-коммуникативных технологий в процессе его организации, а в связи с этим и влияния дискурса и содержания повестки в информационном пространстве. При этом чем в большей степени организаторам протеста удастся эффективно использовать данные характеристики в иницилируемой ими протестной кампании, тем большая вероятность достижения его организаторами своих целей. Их действия должны быть ориентированы на вовлечение новых активистов – их активную мобилизацию. Однако они столкнутся с действиями (демобилизацией), направленными на снижение их активности с целью сохранения сложившегося соотношения сил и механизмов функционирования общественно-политической системы.

Два этих процесса (мобилизация и демобилизация) демонстрируют противоречия и соперничество за ресурсы, статусы, легитимность. При этом каждая из сторон конфликта обладает собственным потенциалом и репертуаром действий.

Методика исследования

Для анализа особенностей коллективных действий в современной России авторами проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015 – 14, в 2017 – 15, 2018 – 14, в 2019 г. – 15 (табл.).

Для проведения опроса экспертов ежегодно отбиралось не менее 14 субъектов РФ. Репрезентативность выборки регионов обеспечивалась исходя из принципа гетерогенности по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта РФ;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;

- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Таблица

**Распределение выборки
и количество респондентов исследования**

<i>Субъект Федерации</i>	2014	2015	2017	2018	2019
Алтайский край	12	–	–	10	–
Владимирская область	12	–	–	–	–
Вологодская область	11	–	–	–	–
Воронежская область	11	12	11	13	12
Иркутская область	14	11	10	11	10
Калининградская область	11	–	11	10	10
Кемеровская область	–	–	–	10	12
Кировская область	13	12	11	–	11
Костромская область	10	11	11	12	11
Краснодарский край	10	10	–	–	–
Нижегородская область	10	–	–	–	–
Новосибирская область	10	15	–	–	–
Республика Адыгея	11	11	12	–	11
Республика Башкортостан	10	11	10	10	10
Республика Дагестан	12	13	11	–	13
Республика Карелия	11	–	–	–	–
Республика Татарстан	10	10	10	11	12
Ростовская область	–	–	14	11	11
Самарская область	10	13	11	13	10
Саратовская область	12	14	14	13	–
Ставропольский край	–	–	10	10	10
Ульяновская область	10	10	10	10	10
Хабаровская область	10	–	–	–	–
Ярославская область	13	12	16	11	12
Всего	233	165	172	155	165

Реализация принципа гетерогенности при отборе регионов обеспечивала репрезентативность выборки размером более чем в 14 субъектах РФ.

В соответствии с методикой выбранные для исследования регионы входят в шесть федеральных округов: от Северо-Западного до Сибирского округа (не попали в выборку Уральский и Дальневосточный федеральные округа). Применение данного

подхода для анализа гражданской активности позволяет распространять выводы настоящего исследования на страну в целом.

Компетентность и осведомленность по изучаемой проблеме стали главными критерием отбора экспертов. Каждая из целевых групп была представлена относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте Федерации, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35% выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30%), представители экспертного сообщества (примерно 35%).

Центральным критерием отбора экспертов была компетентность, предполагающая:

- информированность о протестной активности в регионе;
- знание основных механизмов функционирования политической системы региона;
- вхождение в ту или иную региональную политическую элитную группу;
- опыт работы в сфере публичной политики и / или в органах государственной власти и местного самоуправления;
- знание основных акторов регионального политического процесса;
- знание политической конъюнктуры региона.

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее десяти человек. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Для опроса экспертов использовались полужоформализованная анкета и заочный письменный сбор данных. При стандартном порядке проведения опроса респондент самостоятельно заполнял вопросник, высланный по электронной почте. В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для обработки результатов опроса применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS. В ходе обработки применялся метод независимых характеристик. Он позволял дать обобщенную оценку одного явления, информация о котором поступала от нескольких независимых экспертов. На первом этапе выявлялись и сопоставлялись разные мнения, на втором – обрабатывались с помощью статистических процедур для определения позиций экспертов (оценки уровня гражданской активности, различных форм гражданской активности, распространенности коа-

лиций и партнерств, определение наиболее значимых принципов кооперации, факторов, влияющих на эффективность гражданской активности, уровня и причин протестов, форм реакции органов власти на протесты), на третьем – формулировались выводы.

Представленные в статье результаты исследования были дополнены обобщениями конкретных примеров организации коллективных действий в современной России.

Гражданский активист как субъект мобилизации и объект демобилизации

Формирование протестных настроений в обществе и последующая их реализация через различные формы участия граждан во многом обусловлены спецификой политического режима и текущей институциональной средой. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте представляют собой процесс взаимодействия между властью и обществом. Необходимость в осуществлении протестных действий свидетельствует об отсутствии иных реально действующих и доступных для граждан путей влияния на процесс принятия решений. Ригидность существующих государственных институтов, а также их закрытость и неготовность вступить в коммуникацию с гражданами способствуют формированию коллективного действия для достижения общих целей.

Политическая среда общественного движения влияет на форму, интенсивность и результаты протеста. Теория политических возможностей стала одной из ведущих парадигм в изучении социальных движений, но по-прежнему не существует единого мнения относительно того, как возможности влияют на протест. Общая идея заключается в том, что когда они расширяются, возможности сигнализируют активистам, что коллективные действия будут эффективными, тем самым поощряя дальнейший протест. И наоборот, сокращение возможностей оказывает демобилизующий эффект [Kowalchuk, 2005, p. 238].

В отсутствие действенных каналов коммуникации с властью социальные дисбалансы способствуют формированию и накоплению протестного потенциала. Гражданские активисты имеют возможность не только оказывать влияние на процесс принятия поли-

тических решений, но и регулярно самосовершенствоваться в своих навыках политического участия.

Как демонстрируют результаты проведенного исследования, общий уровень гражданской активности в российском обществе в 2019 г. оставался приблизительно таким же, как и в предыдущие два года. Если в 2017 г. этот показатель, по оценкам экспертов, составлял 5,28, то в 2018 – 5,66, а в 2019 г. – 5,6 (рассчитанное как среднее суммы значений развития офлайн- и онлайн-активности по шкале от 0 до 10 баллов). Особенность динамики развития гражданского активизма в 2019 г. заключается в том, что заметен его рост в Интернете (рост с 5,3 в 2014 г. до 6,3 в 2019 г.), в то время как в офлайне наблюдается противоречивая тенденция (в 2017 г. среднее значение оценок экспертов составило 4,9, в 2018 – 5,3, а в 2019 г. – 4,91).

Кроме того, отмечается активизация деятельности незарегистрированных общественных объединений. В 2019 г. – впервые за все время исследования (с 2014 г.) – они оказались более активными, чем зарегистрированные организации (если в 2014 г. 28,8% экспертов отметили, что незарегистрированные объединения граждан демонстрируют наибольшую активность, то в 2019 г. – 34,8%, в то время как официально зарегистрированные объединения признавались наиболее активными 34,1% и 32,9% экспертов соответственно). Возрастание роли социальных медиа в жизни граждан, самообучение гражданских активистов мобилизационным технологиям за счет возможностей Интернета, накопления практического опыта гражданского участия, поиск новых форм гражданской активности, использование преимущества сетевой формы организации, а также распространенность протестов по локальной (частной) проблеме местного значения – все это привело к повышению активности неформальных движений.

Однако организаторы различных акций, как более осведомленные о деятельности общественных объединений, отмечают наибольшую активность все же зарегистрированных объединений. Рядовые участники акций могут оценивать деятельность организаций только через призму информационных сообщений и присутствие в медийном поле. Неформальные объединения чаще возникают ситуативно, как реакция на проблему, и сразу стремятся захватить информационное пространство для обеспечения массовой под-

держки, что делает их более заметными для обычных граждан, чем классические зарегистрированные общественные объединения.

Контент как зафиксированная информация не может быть целостным отражением произошедшего события или описываемого явления. Из зафиксированного материала мы можем узнать только о событии или явлении, а не воспринять событие так, как оно произошло в действительности [Быков, Гладченко, 2019, с. 216]. Формирование устойчивого медиадискурса необходимо для результативности мобилизации. С данным выводом согласны Дж. Ким и К.Д. Хен, которые приходят к выводу, что политическое согласие или несогласие с информационным ресурсом может вести как к увеличению, так и к уменьшению политической активности [Kim, Hyun, 2017].

Используя Интернет и социальные сети для коммуникации, протестные группы привлекают граждан к участию в конфликте через генерирование и распространение контента на различных цифровых площадках (призывов к сплочению, самоорганизации и решению проблемы; разоблачающего контента, подтверждающего несправедливость текущего положения дел; подрыва авторитета лидеров другой стороны конфликта). К аналогичным выводам пришел Р. Родинельюссен. Описывая роль Facebook в военном конфликте в Сирии, исследователь отмечает, что он стал элементом инфраструктуры мобилизации, а также средством эффективного распространения революционных настроений среди пользователей [Rodineliussen, 2019].

Процесс демобилизации во многом зависит от более ранних процессов конфликта. Сторонники концепции состязательной политики определяют последовательность процессов внутри этапа становления протестных кампаний через мобилизацию, формирование коалиции и фазу так называемого масштабного сдвига. Таким образом, благодаря мобилизации протест распространяется на различные группы, влияя на их кооперацию, т.е. на процесс формирования коалиций [Rasler, 2015].

Результаты исследования демонстрируют развитие кооперационных тенденций в процессе организации общественных кампаний. Если в 2014 г. 60,5% экспертов отмечали, что создаваемые коалиции включают двух-трех партнеров, то в 2019 г. таковых экспертов было всего 30,6% (среднее значение по онлайн- и офлайн-коалициям). В то же время доля экспертов, отмечающих формиро-

вание коалиций из шести – девяти партнеров, увеличилась с 7,6 до 10,7%, 10–15 партнеров – с 1,9 до 10,8%, а более 15 партнеров – с 3,3 до 7,3% соответственно.

Примечательно, что в онлайн-гражданские активисты в большей степени склонны к партнерству, чем в офлайне. Так, гражданские объединения в Интернете часто составляют от шести до 15 и более участников. Партнерства в офлайне чаще всего насчитывают до шести участников. Различие в уровне взаимодействия и создания партнерств связано с ростом популярности онлайн-активности. Интернет выступает площадкой, удобной для мобилизации граждан и формирования многочисленных сетей.

Стоит отметить, что офлайн-коалиции создаются гораздо чаще, по сравнению с онлайн-коалициями (в частности, в 2019 г. 19,5% экспертов отметили, что в процессе офлайн-активности коалиций не создавалось, в то время как относительно онлайн-активности такое мнение высказали 27,8%). Вероятно, это связано с тем, что в Интернете преобладают неформальные отношения общественных активистов и организаций. В процессе их деятельности не фиксируется организационная структура партнерств. Важна сама цель, к которой движутся активисты, осуществляя деятельность в партнерстве. Неформальные объединения граждан чаще действуют самостоятельно, инициативно, параллельно, но на пути к общей цели. В этом прослеживаются сетевые принципы организации. Деятельность же официально зарегистрированных организаций более четко структурирована, подотчетна, иерархизирована. В связи с этим коалиция как организационная структура в большей степени используется для мобилизации сторонников.

Объединение общественных организаций в партнерства и коалиции все чаще практикуется для поддержания и развития сетевого протеста. Мобилизация объединенными группами имеет особенность, которая позволяет привлечь к участию в конфликте широкие массы. Она заключается в том, что внутри отдельных сообществ уже существуют социальные связи, групповая идентичность, а лидер объединения уже заручился поддержкой единомышленников. Эти факторы усиливают мотивацию граждан к участию в протесте.

Особенно успешны многочисленные партнерства в Интернете. Например, к протесту по сохранению сквера у драматического театра в Екатеринбурге в социальных сетях присоединилось боль-

шое количество городских сообществ. В результате активность вышла за пределы Интернета. На территории сквера стали проводиться общественно-досуговые мероприятия по инициативе горожан. Ярким примером использования многочисленных партнерств для мобилизации граждан стало проведение концерта 13 уральских музыкальных коллективов в поддержку сквера¹.

Важнейшими принципами для кооперации общественных объединений и гражданских активистов по-прежнему остаются общность интересов (целей) и добровольный характер участия (8,19 балла и 7,74 балла соответственно по шкале от 1 до 10). Далее по важности следует отметить необходимость наличия развитой системы внешней коммуникации (7,51 балла), открытость (7,38), взаимодействие на основе доверия (7,18), четко регулируемые финансовые вопросы (7,05) и организацию коммуникаций, обеспечивающих равный доступ к информации для всех членов коалиции (7,03 балла). При этом наблюдается рост среднего значения сетевых принципов функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов с 6,28 балла в 2015 г. до 6,95 балла в 2019 г. Это позволяет говорить о постепенном развитии сетевого характера формирующихся объединений граждан.

Вокруг одних интересов (целей) самостоятельно объединяются не просто активисты, но единомышленники – люди схожих взглядов. Они имеют общее направление деятельности, одни устремления, едины в методах их достижения. Например, вся страна была вовлечена в «мусорный» конфликт, начиная с московских протестов и заканчивая Шиесом. Экологические протесты в России с непосредственно осязаемой проблемой имеют устойчивую мотивацию, являются менее уязвимыми и поддерживаются экологическими активистами, которые имеют высокую способность к организации и лидерству [Соколов, Палагичева, 2018, с. 194]. Показательно, что словами 2019 г., которые чаще всего употреблялись в СМИ, согласно заявлению Института русского языка имени Пушкина, стали «пожар» и «протест». Они связаны с пожарами в Сибири и московскими протестами².

¹ Сообщество во «ВКонтакте» «Парки и скверы Екатеринбург». – Режим доступа: <https://vk.com/skverkoncert> (дата посещения: 20.05.2020)

² Институт русского языка назвал «пожар» и «протест» словами года // Газета.ru. – 2019. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/news/2019/11/08/n_13673462.shtml (дата посещения: 23.03.2020)

В результате несогласия или неудовлетворенности решениями / действиями органов власти гражданские активисты готовы мобилизоваться для участия в протесте как в конфликте интересов. Наиболее распространенными причинами онлайн- и офлайн-протестов являются локальные (частные) проблемы (42% экспертов назвали данную причину ключевой, вызывающей протест). Сильнейший мобилизационный эффект имеет сама суть проблемы и реакция власти на нее, в том числе предложения по ее решению. Ярким примером является протест против строительства храма в Екатеринбурге.

При этом наличие общественного объединения по решению возникшей проблемы важно для поддержания мотивации уже вовлеченных и потенциальных активистов. Это актуально как для онлайн-, так и для офлайн-протеста. Так, готовность к уличным акциям против пенсионной реформы 2018 г. не нашла практического выражения не столько в силу патернализма и пассивности общества, сколько по причине отсутствия организованного общенационального движения, в котором протестные настроения могли бы выразить себя политически. Иными словами, декларированное в социологических опросах недовольство реформой не смогло обрести в разрозненных митингах оппозиции то, что Чарльз Тилли обозначал как идентичность социального движения – единый образ большинства, «нас», предъявляющих общие требования по отношению к их объекту (например, правительству или президенту) [цит. по: Будрайтскис, 2018, с. 73].

Одной из тенденций развития гражданской активности является повышение роли сопровождения офлайн-деятельности различными онлайн-формами. Кроме того, на достижение целей активистов в регионах все большее влияние оказывает политическая активность в Интернете. Коллективные действия в Сети стали продолжением протеста в реальности. Онлайн- и офлайн-активности стимулируют развитие и повышают результативность друг друга.

Мобилизуясь в протест, активисты тем самым противодействуют органам власти как одной из сторон конфликта. В качестве ответа организуется противоположная деятельность – демобилизационная. При этом протестные группы идентифицируют применяемые технологии демобилизации в конфликте. Они прогнозируют их, подвергают анализу и используют для собственной пользы, т.е. мобилизации граждан за счет, например, дискредитации оппо-

нента. Так, для контроля «чистоты» официального голосования по поводу строительства храма в Екатеринбурге активисты создали бота в Telegram¹. Он помог собрать информацию от участников опроса, чтобы оценить беспристрастность формулировок и т.д. Кроме того, активисты параллельно организовали свои опросы – с помощью исследовательских центров, а также социальных сетей².

Важно отметить, что обе стороны конфликта используют технологии мобилизации – для привлечения своих единомышленников, а также демобилизации – для снижения массовости поддержки своего оппонента и достижения своей цели. Техники их применения обеими сторонами схожи. Однако отличия все-таки присутствуют ввиду особенностей стратегий сторон конфликта, разности возможностей, ресурсов и других факторов. В то же время следует согласиться с К.А. Платоновым и Д.И. Юдиной, что выделяются две основные модели участия в протестных движениях (как с мобилизирующей, так и демобилизирующей сторон), которые предлагаются сторонникам: участие действием (уличные демонстрации, сбор подписей, обращения в суд и т.д.) и участие вниманием – через распространение протестной повестки и утверждение объединяющих их целей и ценностей как социально значимых [Платонов, Юдина, 2019, с. 243].

Поддержка со стороны СМИ, блогеров, интернет-сообщества, широких слоев населения или больших социальных групп является главным фактором, способствующим росту эффективности гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан в регионах. Если в 2017 г. 55,9% экспертов назвали поддержку со стороны медиа фактором, в наибольшей степени способствующим росту эффективности гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан, то в 2019 г. – 57,9%. Значимость общественной поддержки назвали 44,1 и 50,9% экспертов соответственно. При этом постепенно снижается роль таких факторов, как наличие яркого, деятельного лидера (с 43,5 до 39%); развитость каналов коммуникации между различными субъектами гражданской активности (с 34,1 до 29,6%); наличие материальных ресурсов (32,9 до 30,8%). Это позволяет го-

¹ Сообщество во «ВКонтакте» «Парки и скверы Екатеринбурга». – Режим доступа: https://vk.com/parkland_ekb?w=wall-156077137_9084 (дата посещения 08.02.2020)

² Сообщество во «ВКонтакте» «Парки и скверы Екатеринбурга». – Режим доступа: https://vk.com/wall-32182751_4652603 (дата посещения 08.02.2020)

ворить о развитии сетевых принципов организации коллективных действий в защиту прав граждан и протестных кампаний.

Таким образом, общественные активисты в первую очередь ориентируются на использование возможностей Интернета и опираются на поддержку широких слоев населения, организаций-партнеров. Формы противодействия демобилизации также основаны на цифровизации общественных процессов и вовлечении граждан в протест.

Реакции органов власти как субъекта демобилизации граждан в протесте

Готовность активистов противодействовать демобилизации проявляется в том числе через организацию акций протеста. По мнению экспертов, в 2019 г. был отмечен всплеск протестной активности в регионах России. При этом возрос и уровень учета интересов населения организаторами протестов (с $-0,03$ в 2014 г. до $1,5$ в 2019 г. по шкале: -5 – ориентируются лишь на личные, корыстные цели, 0 – находят баланс между личными целями и общественными интересами; 5 – действуют исходя из общественных интересов). Усиливается тенденция использования интернет-технологий при организации практически каждой акции гражданской активности. При этом влияние использования социальных сетей и интернет-технологий на их конечный успех организаторы протестных акций в офлайне оценивают почти на 6 баллов, а в онлайн – на $6,67$ (по шкале от 1 до 10).

Государство, реагируя на формы реальной и виртуальной активности в 2019 г., чаще выражало незначительную, но поддержку гражданам (об этом заявили $23,7\%$ опрошенных экспертов). $18,1\%$ экспертов отметили, что государство опасается и не взаимодействует, 16 – опасается и противодействует, $13,2\%$ – опасается и оказывает минимальное содействие. Лишь $7,1\%$ экспертов считают, что власть активно поддерживает проявления активности общественных организаций и гражданских активистов, видя позитивные результаты работы.

При этом офлайн-активность представляется власти более опасной и реальной, поэтому требует мер регулирования и противодействия. Онлайн-активность вызывает опасения и, как следст-

вие, отстраненность от взаимодействия. Следовательно, за насто-роженностью и «опасением» власти к формам общественной активности должны следовать профилактические меры контроля и регулирования.

Одной из наиболее выраженных и актуальных технологий демобилизации граждан, применяемых органами власти, стало регулирование интернет-среды. Оно выражается, например, в законах о запрете фейковых новостей (31-ФЗ и 27-ФЗ), об оскорблении власти (ФЗ от 18.03.2019 № 30-ФЗ). Также применяются политические (административные), коммуникативные и силовые технологии. При этом активизация государства в сфере регулирования интернет-среды в целом не отразилась ни на динамике (42,4% экспертов придерживаются данного мнения), ни на содержании онлайн-активности (56,8% экспертов).

Указанные действия властей сокращают ресурсные возможности активистов и способствуют формированию новых установок граждан при выборе форм участия в протесте, а также изменения отношения к активности в Интернете. Меры регулирования способствуют повышению осознанности граждан политического действия в Сети, пониманию последствий. Усложнение механизма самореализации граждан через участие в общественной деятельности, в том числе в протесте, может привести к состоянию отстраненности от политической повестки. Тем самым нарушается, или даже может распасться, организационная структура протеста и формирующие его горизонтальные коммуникации. Без массовой поддержки протеста общественное объединение не может оставаться устойчивым и влиятельным. Возникшая в результате целенаправленного воздействия отстраненность граждан от политического действия представляется как демобилизованное состояние.

Однако тенденция к повышению уровня осознанности политического действия в Интернете может повлиять на более глубокие социальные процессы. Стоит отметить существующий сегодня общественный запрос на перемены, сопровождающийся низким уровнем доверия граждан как друг к другу, так и к властным институтам. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, в январе 2019 г.¹

¹ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий / ВЦИОМ. – 2019. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9518> (дата посещения: 20.05.2020)

зафиксировано снижение уровня доверия граждан к властным институтам. Например, Владимиру Путину на посту президента доверяют 33,4% опрошенных. Также этот показатель упал по сравнению с предыдущими опросами у правительства, председателя правительства и ряда ведущих политических лидеров. В марте 2020 г. о доверии Владимиру Путину заявили уже 28,3% опрошенных, что является самым низким показателем с января 2006 г.¹ В этих условиях может состояться очередной рост не просто осознанности собственного политического действия в Интернете, но и осознание его необходимости в целом, в том числе в реальности.

Несмотря на то что в целом власть в регионах по-разному реагирует на протестную активность, ориентированные на сотрудничество с активистами действия носят стабилизирующий характер. Подобные случаи 2019 г. можно назвать успешными примерами применения технологий демобилизации. Благодаря уступкам власти в таких кейсах, как дело Ивана Голунова, лесные пожары в Сибири, против строительства храма в Екатеринбурге, эти протесты завершились мирной демобилизацией, поскольку требования активистов были удовлетворены. Учет властью интересов граждан снял часть накопленного общественного напряжения.

По результатам исследования можно выделить ряд причин, по которым региональная власть выбирает стратегию во взаимоотношениях с протестующими. Во-первых, органы власти боятся дестабилизации ситуации в регионе (53% экспертов отметили эту позицию), поэтому идут на контакт с протестными группами (реализуется стратегия сотрудничества). Во-вторых, протестные акции слишком малочисленны, чтобы власть обращала на них внимание, в результате реализуется стратегия игнорирования (56,6%). В-третьих, власть видит в протестных акциях попытку оппозиционных лидеров спекулировать на общественных проблемах без стремления решать их и использует стратегию противодействия (49,6%).

Исследования предыдущих лет показывают, что до 2018 г. органы власти большинства регионов страны тяготели к использованию стратегии противодействия. После рубежа 2018 г. в действиях региональных властей несколько изменилось общее направление выстраивания взаимоотношений с активистами сравнительно в более

¹ Доверие политикам / ВЦИОМ. – 2020. – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата посещения: 20.05.2020)

позитивную сторону. Однако стратегии игнорирования и сотрудничества, на которые состоялась некоторая переориентация в действиях региональных властей, не являются ярко выраженными, демонстрирующими позицию ведущего. Сотрудничество представляется скорее вынужденным, оно обусловлено страхом повышения дестабилизации в обществе. Игнорирование обусловлено малочисленностью протестов и, следовательно, отсутствием необходимости взаимодействовать.

Примеры удовлетворения протестных требований в 2019 г. подтверждают некоторые перемены во взаимодействиях региональных властей с активистами. Уступки, которые были реализованы в ряде протестных кампаний, заметным образом разрядили существующее на тот момент в обществе напряжение. Настроения граждан, связанные с отсутствием результативной позитивной коммуникации с органами власти, сменились на удовлетворение от успеха кампаний. Этот эффект можно назвать демобилизационным при рассмотрении более глобального процесса роста общественных протестных настроений.

Е.М. Горюшина и С.П. Поцелуев в своем исследовании также отмечают дуалистический характер протеста [Горюшина, Поцелуев, 2019]. Они указывают, что он может быть как показателем политической нестабильности, так и инструментом снижения напряженности в обществе (в том числе посредством отражения социально-политических настроений). Позитивная функция протеста может проявляться в тех случаях, когда власть адекватно реагирует на требования активистов, выстраивая с ними эффективную коммуникацию [Безрукова, 2020, с. 62].

Лавирование между стратегиями регулирования общественными процессами зависит от многих факторов, в том числе от государственных представлений о должном их развитии. Массовый протест выступает инструментом, способным вызвать власть на диалог (при этом малочисленные протесты чаще игнорируются). От уровня массовости мобилизованных в протест групп зависят изменение и коррекция стратегии реагирования власти.

Наиболее часто используются следующие формы противодействия организации и проведению протестных мероприятий в регионах:

– создание административных барьеров на пути организации уличных акций (71,9% экспертов в 2019 г. выбрали данный вариант ответа);

– давление на организаторов митингов, лидеров протестных групп (35,6%);

– публикации в СМИ материалов, дискредитирующих протестные группы (33,1%).

Данные формы противодействия основаны на использовании особых преимуществ, ресурсов субъекта демобилизации. На протяжении всего мониторингового исследования чаще всего применялись силовые, политические (административные) и коммуникативные технологии. Большое общественное внимание сегодня обращено к таким мерам демобилизации, как привлечение силовых структур для сдерживания протеста, а также привлечение к ответственности нарушителей порядка и задержание активистов, организаторов протеста.

В качестве примера использования коммуникационных технологий приведем распространение демобилизационного контента, подрывающего доверие к оппозиции, а также фильтрацию мобилизационного контента (частичное или отсутствующее освещение протестных кампаний в центральных СМИ). В протесте против блокировки мессенджера Telegram глава Роскомнадзора Александр Жаров представил личность Павла Дурова как гражданина, не соблюдающего законодательство России, его призыв к протесту – как манипуляцию гражданами, а демонстрацию обходных путей использования мессенджера – как попытку выставить себя элитой¹. При этом важно отметить роль социальных сетей в дезинформировании населения, которое может способствовать демобилизации [Dawson, Innes, 2019].

М.Э. Тюпина сформулировала ряд актуальных коммуникативных технологий политической демобилизации:

1) управление контентом «лояльных СМИ»;

2) блокировка независимых СМИ с целью остановки генерирования мобилизационного контента протестного движения;

¹ Со свободой все хорошо, а с ответственностью – плохо. Глава Роскомнадзора Александр Жаров – о ситуации вокруг блокировки мессенджера Telegram в России // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/733380/siuzanna-farizova/sosvobodoi-vse-khorosho-s-otvetstvennostiu-plokho> (дата посещения: 01.08.2018)

3) инициирование контента в нелояльных сообществах и блогах (сетевой троллинг);

4) инициирование и распространение контента в лояльных блогах и сообществах [Тюпина, 2017, с. 120].

Для демобилизации применяются и лингвистические приемы. Например, замена словосочетания «повышение пенсионного возраста» на другое – «пенсионная реформа» [Палагичева, Фролов, 2019, с. 63].

Деморализация основной массы активистов наблюдается в конфликте молодых семей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и региональной власти. Участники протестной кампании против невыплат жилищных субсидий по программе «Доступное жилье – молодым» были демобилизованы в результате затяжного напряженного характера взаимодействия. Аудитория удерживалась в состоянии ожидания за счет проведения длительных обсуждений, собраний, переговоров. Постепенно активисты ушли с улиц в социальные сети и в кабинеты для переговоров, а затем и вовсе утратили готовность к политическому действию [Палагичева, 2019, с. 224].

В результате трансформации общественных процессов, их цифровизации, сетевизации, прозрачности и публичности расширяется и спектр технологий как объединения, так и разобщения. Развитие механизмов мобилизации порождает совершенствование и увеличение разнообразия инструментов противодействия – демобилизации.

Активисты применяют технологии контрдемобилизации. В результате концентрации внимания граждан к общественно-политической жизни, к сценариям развития протестных кампаний и роли государства в них демобилизация стала распознаваема. Активисты и внимательные наблюдатели анализируют эту тактику и рефлексируют по этому поводу. В конфликте власти и протестных групп становится важным качеством исполнения демобилизации. Например, так произошло в протесте против строительства храма в Екатеринбурге, где однотипные меры воздействия на население были расценены общественностью как сопротивление. Стороны конфликта организовали массовые мероприятия 16 и 17 марта 2019 г. На концерте активистов выступили местные музыкальные коллективы в поддержку сквера. В качестве ответной реакции сторонни-

ки строительства храма организовали мероприятие с участием известных актеров (С. Безруков, М. Пореченков, М. Галустян).

В данном противоборстве мобилизация граждан состоялась в результате самоорганизации активистов. Кроме того, на фоне их успеха концерт, организованный сторонниками строительства, стал еще одним доводом для мобилизации протестующих. На это повлияло и то, что для части граждан это мероприятие выглядело неестественным, очевидно направленным на демобилизацию. Были замечены несовершенства в исполнении – приглашены не идейные и не местные лидеры общественного мнения, и, кроме того, не безвозмездно – за гонорар. В противовес – организаторы и местные музыкальные группы участвовали в мероприятии безвозмездно, на энтузиазме, за идею, чтобы отстоять свои интересы. Зачастую неумелое использование технологий демобилизации вызывает обратную волну мобилизации.

Следует отметить, что использование музыкального творчества и артистов в протестных кампаниях достаточно распространено [Плешков, Харченко, 2019]. Оно помогает успешно мобилизовать активистов, создавать образы и влиять на сознание целевых групп.

Выводы

Результаты проведенного исследования показали, что сетевое взаимодействие в отношениях «власть – общество» в современной России находится в процессе становления и развития, а набирающий силу сетевой политический протест свидетельствует о дисбалансе в этих отношениях.

Основой сетевого политического протеста являются не классические вертикальные и иерархические связи, а горизонтальные, функционирующие на принципах равенства и добровольности. Благодаря этому коммуникация между участниками протеста становится более эффективной, привлекает новых участников и ресурсы, придает социальный вес сетевому протесту. Взаимодействие активистов в Сети реализуется с применением цифровых технологий и социальных медиа, с помощью которых происходит управление контентом (генерирование и распространение): разоблачения, подрыв авторитета власти, призывы к самоорганизации и т.д.

Отмечается планомерное увеличение присутствия в сетевом протесте общественных коалиций, в онлайне гражданские активисты в большей степени склонны к партнерству, чем в офлайне. Важнейшими принципами кооперации в сетевом протесте являются общность интересов (целей) и добровольный характер участия. А сильнейший мобилизационный эффект имеет сама суть локальной (частной) проблемы и реакция власти на нее. Коллективные действия в Интернете продолжают протест в реальности. Гражданская активность офлайн все больше сопровождается различными онлайн-формами.

Применяемые технологии демобилизации являются барьерами, ограничивающими возможности и потенциал протестных групп. Однако в результате закрепившегося в обществе опыта взаимодействия с органами власти возникают новые практики реагирования участников протеста. С помощью анализа активисты распознают технологии демобилизации. Фиксируя их (например, попытки разобщить граждан посредством распространения фэйковой информации о протестующих), активисты используют контрпропаганду – растолковывают для широкой публики их суть. Это способствует нарастанию возмущения и общественного напряжения, вызывает новую волну мобилизации.

Способствует стабилизации ситуации и находит позитивный отклик в обществе появление в стратегии демобилизации со стороны властных структур эпизодов сотрудничества с активистами. Такой опыт является примером более гибкого государственного управления, а также проявлением адаптивности институтов власти. 2019–2020 гг. продемонстрировали целый ряд примеров позитивного отклика органов власти на требования протестующих (отмена планов строительства полигона в Шиесе и храма в сквере в Екатеринбурге, дело Голунова и др.), который позволил обеспечить демобилизационный эффект. В то же время подобные примеры позволяют формировать позитивную практику сетевого протеста, базирующегося на масштабной мобилизации и активном использовании информационно-коммуникативных технологий.

Список литературы

- Безрукова Е.Ю.* Социально-политический протест в России, или «Почему люди не бунтуют?» // *Власть*. – 2020. – № 2. – С. 58–62.
- Будрайтскис И.Б.* Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения // *Социология власти*. – 2018. – Т. 30, № 4. – С. 69–105. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-4-69-105>
- Быков И.А., Гладченко И.А.* К вопросу об исследованиях мобилизационного контента в социальных медиа // *Стратегические коммуникации в современном мире: сборник материалов по результатам научно-практических конференций*. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – С. 214–222.
- Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- Горюшина Е.М., Поцелуев С.П.* Социальный протест – показатель политической нестабильности или инструмент снижения напряженности? // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология*. – 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 81–93.
- Карпузов М.Ю.* Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2020. – № 10 (2). – С. 36–39. – DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-2-36-39>
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Изд-во «Три квадрата», 2010. – 688 с.
- Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / науч. ред. В.А. Ачкасова, Г.С. Мельник*. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 248 с.
- Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Балтач А.А.* Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа // *Полис. Политические исследования*. – 2019. – № 2. – С. 107–122. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.08>
- Кремень Т.В.* Политическая мобилизация: объекты и субъекты // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2013. – № 5. – С. 146–149.
- Маковеева В.В.* Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // *Вестник Томского государственного университета*. – 2012. – № 354. – С. 163–166.
- Малькевич А.А.* Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // *Управленческое консультирование*. – 2020. – № 1 (133). – С. 35–42. – DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-1-35-42>
- Морозова Е., Гнедаш А.* Конструктивный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики // *Демократия и управление*. – 2012. – № 2. – С. 5–12.
- Никовская Л.И.* Гражданское общество и протесты: что за ними стоит? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2012. – № 4. – С. 5–13.
- Палагичева А.В.* Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2019. – № 1. – С. 218–231. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231>

- Палагичева А.В., Фролов А.А.* Технологии демобилизации граждан в протесте: на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 57–71. – DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-57-7>
- Платонов К.А., Юдина Д.И.* Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 226–249. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.11>
- Плешков Е., Харченко Е.В.* Англоязычные названия песен: протест или призыв к действию? // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – № 5 (2). – С. 139–149.
- Савенков Р.В.* «Публичное оспаривание» в современных условиях: понятие, виды и формы // Ценности и смыслы. – 2020. – №. 2. – С. 36–51. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10011>
- Соколов А.В., Палагичева А.В.* Подмосковные протесты против мусорных полигонов: механизмы политической демобилизации // Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции. Материалы научно-практической конференции / под ред. Р.В. Евстифеева. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018. – С. 190–194.
- Сорокин П.А.* Социология революции. – М.: РОССПЭН, 2005. – 704 с.
- Тюпина М.Э.* Политическая демобилизация: понятие и технологии // Век информации. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 119–121.
- Усачева О.А.* Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 35–42.
- Яницкий О.Н.* Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 3–12.
- Brantly A.F.* From cyberspace to independence square: understanding the impact of social media on physical protest mobilization during Ukraine's Euromaidan revolution // Journal of information technology & politics. – 2019. – Vol. 16, N 4. – P. 360–378. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19331681.2019.1657047>
- Dawson A., Innes M.* How Russia's internet research agency built its disinformation campaign // The Political Quarterly. – 2019. – Vol. 90, N 2. – P. 245–256. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923x.12690>
- Della Porta D.* Where did the revolution go?: Contentious politics and the quality of democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 430 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316783467>
- Della Porta D., Tarrow S.* Unwanted children: Political violence and the cycle of protest in Italy, 1966–1973 // European Journal of Political Research. – 1986. – Vol. 14, N 5–6. – P. 607–632. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1986.tb00852.x>
- Demirel-Pegg T., Pegg S.* Razed, repressed and bought off: The demobilization of the Ogoni protest campaign in the Niger Delta Tijen // The Extractive Industries and So-

- ciety. – 2015. – Vol. 2, N 4. – P. 654–663. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.exis.2015.09.004>
- Drury J., Stott C.* Contextualising the crowd in contemporary social science // *Contemporary Social Science*. – 2011. – Vol. 6, N 6. – P. 275–288. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2011.625626>
- Heiss R., Schmuck D., Matthes J.* What drives interaction in political actors' Facebook posts? Profile and content predictors of user engagement and political actors' reactions // *Information, Communication & Society*. – 2019. – N 22 (10). – P. 1497–1513. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2018.1445273>
- Ibarra H.* Network centrality, power, and innovation involvement: determinants of technical and administrative roles // *Academy of Management Journal*. – 1993. – Vol. 36, N 3. – P. 471–501. – DOI: <https://doi.org/10.2307/256589>
- Kim J., Hyun K.D.* Political disagreement and ambivalence in new information environment: Exploring conditional indirect effects of partisan news use and heterogeneous discussion networks on SNSs on political participation // *Telematics and Informatics*. – 2017. – Vol. 34, N 8. – P. 1586–1596. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.07.005>
- Klandermans P.G.* Identity politics and politicized identities: identity processes and the dynamics of protest // *Political Psychology*. – 2014. – Vol. 35, N 1. – P. 1–22. – DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12167>
- Kowalchuk L.* The discourse of demobilization: shifts in activist priorities and the framing of political opportunities in a peasant land struggle // *The Sociological Quarterly*. – 2005. – Vol. 46, N 2. – P. 237–261. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2005.00011.x>
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.* Birds of a feather: homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. – 2001. – Vol. 27. – P. 415–444. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
- Merle M., Reese G., Drews S.* #Globalcitizen: an explorative twitter analysis of global identity and sustainability communication // *Sustainability*. – 2019. – Vol. 11, N 2. – P. 3472. – DOI: <https://doi.org/10.3390/su11123472>
- Opp K-D.* Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and Society*. – 2012. – Vol. 24, N 1. – P. 73–105. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1043463111434697>
- Piven F.F., Cloward R.A.* Collective protest: a critique of resource mobilization theory // *International Journal of Politics, Culture and Society*. – 1991. – Vol. 4, N 4. – P. 435–458. – DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01390151>
- Rasler K.* Understanding dynamics, endogeneity and complexity in protest campaigns: a comparative analysis of Egypt (2011) and Iran (1977–1979) // *Popular contention, regime, and transition – Arab revolts in comparative global perspective / Alimi E., Sela A., Sznajder M. (eds)*. – New York; London: Oxford University Press, 2015. – P. 180–202. – DOI: <https://www.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190203573.003.0009>
- Rodiniussen R.* Organising the Syrian revolution – student activism through Facebook // *Visual Studies*. – 2019. – Vol. 34, N 3. – P. 239–251. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1472586x.2019.1653790>

- Tarrow S.G. Power in movement: social movements and contentious politics. – New York: Cambridge university press, 1998. – 287 p.
- Tilly C. Food Supply and public order in modern Europe // The formation of national states in Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 1975. – P. 380–455.
- Travaglino G.A. Social sciences and social movements: the theoretical context // Contemporary Social Science. – 2014. – Vol. 9, N 1. – P. 1–14. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2013.851406>

A.V. Sokolov, A.V. Palagicheva*
Mobilization and demobilization in a network political protest

Abstract. The article considers the essence and approaches to understanding network political protest. Traditional forms of collective action are changing under the influence of information and communication technologies. The network paradigm focuses on the position of the individual in the social space, the degree of his involvement in the communication space, the ability to control and regulate the intensity of the information flow. Network structures are more flexible and adaptive, more in line with the new reality. Special and main principles of the network structure of political protest are revealed.

The article also presents definitions of political mobilization and demobilization. These processes Express the rivalry of the conflicting parties-the state and society, where the support of the broad masses of the population is an important category. Based on the data of the monitoring study, the features of the development of civil protest activism and the use of mobilization technologies were identified. ICTs have a significant impact on their formation and transformation. The state, reacting to forms of real and virtual activity, formulates a counteraction strategy. It is expressed in the use of technologies for the demobilization of citizens, which are also undergoing changes in the era of digitalization.

Keywords: conflict; online protest; mobilization; demobilization; state; society; internet; collective action.

For citation: Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilization and demobilization in a network political protest. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 266–297. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>

References

- Achkasova V.A., Mel'nik G.S. (eds). *Communication technologies in the processes of political mobilization*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2016, 248 p. (In Russ.)

* **Sokolov Alexander**, Demidov Yaroslavl state university (Yaroslavl, Russia), e-mail: alex8119@mail.ru; **Palagicheva Asya**, Demidov Yaroslavl state university (Yaroslavl, Russia), e-mail: forntingale@gmail.com

- Bezrukova E.Yu. Socio-political protest In Russ.ia or «why don't people rebel?». *Vlast*. 2020. N 2, C. 58–62. (In Russ.)
- Brantly A.F. From Cyberspace to independence square: understanding the impact of social media on physical protest mobilization during Ukraine's Euromaidan revolution. *Journal of information technology & politics*. 2019. Vol. 16, N 4, P. 360–378. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331681.2019.1657047>
- Budraitis I.B. Pension reform and resistance In Russ.ia: lessons from the movement that failed to happen. *Sociology of power*. 2018. Vol. 30, N 4, P. 69–105. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-4-69-105> (In Russ.)
- Bykov I.A., Gladchenko I.A. On the issue of research on mobilization content in social media. In: *Strategic communications in the modern world*. Saratov: Saratovsky istochnik, 2019, P. 214–222. (In Russ.)
- Dawson A., Innes M. How Russia's internet research agency built its disinformation campaign. *The Political Quarterly*. 2019. Vol. 90, N 2, P. 245–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923x.12690>
- Della Porta D. *Where did the revolution go?: Contentious politics and the quality of democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, 430 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316783467>
- Della Porta D., Tarrow S. Unwanted children: Political violence and the cycle of protest in Italy, 1966–1973. *European Journal of Political Research*. 1986. Vol. 14, N 5–6, P. 607–632. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1986.tb00852.x>
- Demirel-Pegg T., Pegg S. Razed, repressed and bought off: The demobilization of the Ogoni protest campaign in the Niger Delta Tijen. *The Extractive Industries and Society*. 2015. Vol. 2, N 4, P. 654–663. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.exis.2015.09.004>
- Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science. *Contemporary Social Science*. 2011. Vol. 6, N 6, P. 275–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2011.625626>
- Garr T.R. *Why do people rebel?* Saint Petersburg: Peter, 2005, 461 p. (In Russ.)
- Goryushina E.M., Potseluev S.P. Social protest – an indicator of political instability or a tool to reduce tension? *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. 2019, Vol. 5 (71), N 1, P. 74–93. (In Russ.)
- Heiss R., Schmuck D., Matthes J. What drives interaction in political actors' Facebook posts? Profile and content predictors of user engagement and political actors' reactions. *Information, Communication & Society*. 2019. N 22 (10), P. 1497–1513. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2018.1445273>
- Ibarra H. Network centrality, power, and innovation involvement: determinants of technical and administrative roles. *Academy of Management Journal*. 1993. Vol. 36, N 3, P. 471–501. DOI: <https://doi.org/10.2307/256589>
- Karapuzov M.Yu. Prospects for the development of direct democracy mechanisms using information and communication technologies. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020. Vol. 10, N 2, P. 36–39. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-2-36-39> (In Russ.)

- Kim J., Hyun K.D. Political disagreement and ambivalence in new information environment: Exploring conditional indirect effects of partisan news use and heterogeneous discussion networks on SNSs on political participation. *Telematics and Informatics*. 2017. Vol. 34, N 8, P. 1586–1596. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.07.005>
- Klandermans P.G. identity politics and politicized identities: identity processes and the dynamics of Protest. *Political Psychology*. 2014. Vol. 35, N 1, P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12167>
- Kleman K., Miryasova O., Demidov A. *From the layman to the activists. Emerging social movements in modern Russia*. Moscow: Publishing House «Three Squares», 2010, 688 p. (In Russ.)
- Korotaev A.V., Shishkina A.R., Baltach A.A. Relative Deprivation as a factor of socio-political destabilization: towards the quantitative analysis of the Arab Spring. *Polis: Polis. Political Studies*. 2019. N 2, P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.08> (In Russ.)
- Kowalchuk L. The discourse of demobilization: shifts in activist priorities and the framing of political opportunities in a peasant land struggle. *The Sociological Quarterly*. 2005. Vol. 46, N 2, p. 237–261. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2005.00011.x>
- Kremen T.V. Political mobilization: objects and subjects. *Historical and social-educational idea*. 2013. N 5, P. 146–149. (In Russ.)
- Makoveeva V.V. Network interaction: the key factor of education, science and business integration. *Tomsk State University journal*. 2012. N 354, P. 163–166. (In Russ.)
- Malkevich A.A. The role of social media in protest political participation of citizens. *Administrative Consulting*. 2020. N 1 (133), P. 35–42. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-1-35-42> (In Russ.)
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. Birds of a feather: homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27, P. 415–444. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
- Merle M., Reese G., Drews S. #Globalcitizen: an explorative twitter analysis of global identity and sustainability communication. *Sustainability*. 2019. Vol. 11, N 2, P. 3472. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11123472>
- Morozova E., Gnedash A. Constructive potential of network interaction in the sphere of social policy. *Democracy and governance*. 2012. N 1, P. 5–12. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I. Civil society and protests: what is behind them? *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2012. N 4, P. 5–13. (In Russ.)
- Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and Society*. 2012. Vol. 24, N 1, P. 73–105. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043463111434697>
- Palagicheva A.V. Technologies of political demobilization of citizens in protest campaigns. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 14, N 1, P. 218–231. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231> (In Russ.)
- Palagicheva A.V., Frolov A.A. Technology the demobilization of citizens in protest: the case of protests against raising the retirement age In Russ.ia. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20, N 1, P. 57–71. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-57-7> (In Russ.)

- Piven F.F., Cloward R.A. Collective protest: a critique of resource mobilization theory. *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1991. Vol. 4, N 4, P. 435–458. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01390151>
- Platonov K.A., Judina D.I. Agenda of Vkontakte online protest communities based in St Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*. 2019. N 5, P. 226–249. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.11> (In Russ.)
- Pleshkov E., Kharchenko E.V. English song names: protest or call for action? *Theoretical and applied linguistics*. 2019. N 5 (2), P. 139–149. (In Russ.)
- Rasler K. Understanding dynamics, endogeneity and complexity in protest campaigns: a comparative analysis of Egypt (2011) and Iran (1977–1979). In: *Popular contention, regime, and transition – Arab revolts in comparative global perspective*. Alimi E., Sela A., Sznajder M. (eds). New York, London: Oxford University Press, 2015, P. 180–202. DOI: <https://www.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190203573.003.0009>
- Rodineliussen R. Organising the Syrian revolution – student activism through Facebook. *Visual Studies*. 2019. Vol. 34, N 3, P. 239–251. DOI: <https://doi.org/10.1080/1472586x.2019.1653790>
- Savenkov R.V. «Public contestation» in contemporary conditions: concept, types and forms. *Values and meanings*. 2020. N 2, P. 36–51. DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10011> (In Russ.)
- Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Moscow region protests against garbage landfills: mechanisms of political demobilization. In: *Russian statehood in the XXI century: national identity and historical memory in the context of global competition. Materials of the scientific-practical conference*. R.V. Evstifeev (ed). Vladimir: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2018, P. 190–194. (In Russ.)
- Sorokin P.A. *Sociology of the revolution*. Moscow: ROSSPEN, 2005, 704 p. (In Russ.)
- Tarrow S.G. *Power in movement: social movements and contentious politics*. New York: Cambridge University Press, 1998, 287 p.
- Tilly C. Food supply and public order in Modern Europe. In: *The formation of national states in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1975, P. 380–455.
- Travaglino G.A. Social sciences and social movements: the theoretical context. *Contemporary Social Science*. 2014. Vol. 9, N 1, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2013.851406>
- Tyupina M.E. Political demobilization: concept and technologies. Facebook *Information Age*. 2017. Vol. 1, N 2, P. 119–121. (In Russ.)
- Usacheva O.A. Civil mobilization Networks. *Social Sciences and Contemporary World*. 2012. N 6, P. 35–42. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. Mass mobilization: problems of theory. *Sociological studies*. 2012. N 6, P. 3–12. (In Russ.)